З. Фрейд.
Сообщение об одном случае паранойи, противоречащем психоаналитической теории
(1915)

Изложенной в данной работе историей больной Фрейд стремился подтвердить свою точку зрения, представленную в анализе Шребера (в предыдущей работе в этом томе), согласно которой между паранойей и гомосексуальностью существует тесная связь. Наряду с этим она служит напоминанием практикующему врачу не ставить поспешного диагноза пациенту, основываясь лишь на поверхностном знании фактов. Последние страницы содержат некоторые интересные замечания более общего характера о процессах, развертывающихся при невротическом конфликте.

Несколько лет назад ко мне обратился за консультацией известный адвокат в связи с одним случаем, который показался ему сомнительным. Одна молодая дама попросила у него защиты от преследований мужчины, склонившего ее вступить с ним в любовную связь. Она утверждала, что этот мужчина злоупотребил ее уступчивостью и позволил незримым свидетелям сделать фотофафические снимки их нежного свидания; теперь в его власти осрамить ее показом этих фотографий и заставить ее отказаться от своей должности. Адвокат был достаточно опытен, чтобы распознать болезненность этого обвинения; но, как он заметил, в жизни случается много такого, что хочется счесть невероятным, а потому для него было бы ценным мнение психиатра по этому вопросу. Он обещал в следующий раз посетить меня вместе с истицей.

Прежде чем продолжить свое сообщение, хочу признаться, что я до неузнаваемости изменил обстоятельства исследуемого события, но только их и ничего больше. В остальном я считаю неправомерным по каким-то, пусть даже наилучшим, мотивам искажать при рассказе детали истории больного, ибо нельзя знать заранее, какой аспект случая заинтересует самостоятельно мыслящего читателя, и тем самым возникает опасность ввести последнего в заблуждение.

Пациенткой, с которой я вскоре после этого познакомился, была тридцатилетняя девушка, необычайно привлекательная и красивая; она выглядела гораздо моложе указанных ею лет и казалась очень женственной. По отношению к врачу она вела себя совершенно недружелюбно и не утруждала себя скрывать свое недоверие. Очевидно, только под давлением рядом присутствовавшего адвоката она рассказала следующую историю, поставившую передо мной проблему, которая будет упомянута позже. При этом ни выражением лица, ни аффективными проявлениями она ничуть не обнаруживала стыдливого смушения, которое соответствовало бы отношению к постороннему слушателю. Она находилась исключительно в плену опасений, возникших вследствие того, что ею было пережито.

Она многие годы работала в одном крупном учреждении, в котором, к своему собственному удовлетворению и удовлетворению начальников, занимала ответственные посты. Любовных отношений с мужчинами она никогда не искала; она спокойно жила со своей старой матерью, для которой была единственной опорой. Братьев и сестер у нее не было, отец умер много лет назад. В последнее время с ней сблизился служащий этого же бюро, очень образованный, обаятельный мужчина, которому и она тоже не смогла отказать в своей симпатии. В силу внешних обстоятельств брак между ними был исключен, но мужчина и слышать не хотел о том,

чтобы из-за невозможности брака прекратить отношения. Он говорил ей в укор, что нелепо из-за социальных условностей отказываться от всего, чего им обоим хотелось, что они чувствовали друг к другу, на что они имеют несомненное право и что как ничто другое возвысило бы их жизнь. Поскольку он обещал не подвергать ее опасности, она, в конце концов, согласилась навестить его днем в его холостяцкой квартире. Там дело дошло до объятий и поцелуев, они лежали друг возле друга, он восхищался ее частично открывшейся красотой. Посреди этой любовной идиллии она была напугана однократно раздавшимся шумом — то ли стуком, толи щелчком. Он исходил от области письменного стола, который стоял наискось перед окном; пространство между столом и окном частично было прикрыто плотными шторами. Она рассказала, что тут же спросила друга, что означает этот шум, и услышала от него разъяснение, что его, вероятно, произвели часы, стоявшие на письменном столе; позднее, однако, я позволю себе сделать одно замечание об этой части ее рассказа.

Когда она покидала дом, еще'на лестнице ей встретились двое мужчин, которые, увидев, начали друг с другом о чем-то шептаться. Один из двух незнакомцев держал в руках какой-то завернутый предмет, нечто вроде небольшой коробки. Эта встреча стала занимать ее мысли; и по дороге домой она создала комбинацию: эта коробка вполне могла быть фотографическим аппаратом, человек, который ее держал, — фотографом, скрывавшимся за шторами, когда она была в комнате, а услышанный ею щелчок — это был звук затвора после того, как этот человек выискал особенно щекотливую ситуацию, которую он пожелал запечатлеть на снимке. Отныне она уже не могла молчать о своих подозрениях, касающихся от возлюбленного; она преследовала его устно и письменно, требуя дать ей объяснение и успокоение и осыпая упреками, но оказалась недоступной для уверений, которыми он пытался доказать искренность своих чувств и безосновательность ее подозрения. В конце концов она обратилась к адвокату, рассказала ему о случившемся и передала письма, которые она получила от подозреваемого по поводу этого происшествия. Позднее я смог ознакомиться с некоторыми из этих писем; они произвели на меня наилучшее впечатление; главным их содержанием было сожаление о том, что столь прекрасное, нежное взаимопонимание оказалось разрушенным этой «злосчастной нездоровой идеей».

Наверное, не требуется пояснять, почему я присоединился к мнению обвиняемого. Но этот случай представлял для меня интерес не только с точки зрения диагностики. В психоаналитической литературе утверждалось, что параноик борется с усилением своих гомосексуальных стремлений, что в сущности указывает на нарцис-сический выбор объекта. Далее давалось истолкование, что преследователь, по существу, — это возлюбленный или бывший возлюбленный[1]. Изсоединения этих двух положений вытекает требование, что преследователь должен быть того же пола, что и преследуемый. Однако мы не выдвигали тезис об обусловленности паранойи гомосексуальностью как всеобщий и не имеющий исключений, нотолько потому, что наши наблюдения были недостаточно многочисленными. Он относился к тем тезисам, которые вследствие определенных взаимосвязей имеют значение только тогда, когда они могут претендовать на универсальность. Разумеется, в психиатрической литературе нет недостатка в случаях, в которых больному казалось, что его преследовали родственники противоположного пола, но одно дело читать о таких случаях и другое — увидеть один из них перед самим собой. То, что наблюдали и могут анализировать я и мои друзья, до сих пор без труда подтверждало связь паранойи с гомосексуальностью. Но представленный здесь случай со всей решимостью этому противоречил. Казалось, что девушка пытается защититься от любви к мужчине, непосредственно превратив возлюбленного в преследователя; никакого влияния женщины, борьбы с гомосексуальной привязанностью нельзя было обнаружить.

При таком положении вещей, пожалуй, проще всего было бы вновь отказаться от того, чтобы отстаивать идею о всеобщей зависимости мании преследования от гомосексуальности и от всего того, что к этому присоединяется. Наверное, от этих научных выводов следовало отказаться, если позволить себе руководствоваться этим несбывшимся ожиданием, встать на сторону адвоката и признать, подобно ему, что речь здесь идет о правильно истолкованном переживании, а не о паранойяльной комбинации. Но я увидел другой выход, который пока отсрочивал принятие окончательного решения. Я вспомнил о том, как часто врачи неправильно оценивачи психически больных, потому что недостаточно глубоко их обследовали и, таким образом, слишком маю о них узнавали. Поэтому я заявил, что мне не представляется возможным высказать сегодня свое суждение, и попросил ее посетить меня во второй раз, чтобы рассказать мне историю подробнее и со всеми, в этот раз, возможно, не замеченными побочными обстоятельствами. Благодаря содействию адвоката я добился такого согласия со стороны по-прежнему недовольной пациентки; он пришел мне на помощь также и тем заявлением, что при этой второй беседе его присутствие будет ненужным.

Второй рассказ пациентки не опроверг прежнего, но принес такие дополнения, что все сомнения и трудности отпали сами собой. Прежде всего, она посетила молодого человека в его квартире не один раз, а дважды. Во время второй встречи и раздался тот шум, к которому присоединились ее подозрения; первый визит при первом рассказе она утаила, опустила, поскольку он уже не казался ей важным. Во время этого первого визита не произошло ничего необычного, но, пожалуй, такое случилось на следующий день. Отделом крупного предприятия, в котором она работала, руководила пожилая дама, которую она описала следующими словами: «У нее седые волосы, как у моей матери». Она привыкла к тому, что эта пожилая начальница относится к ней очень нежно, хотя иногда и поддразнивает, и считала себя ее явной любимицей. На следующий день после ее первого визита к молодому служащему он появился в канцелярии, чтобы сообщить что-то по службе пожилой даме, и пока они негромко разговаривали, у нее вдруг возникла уверенность, что он рассказывает ей о вчерашнем приключении; более того, он давно уже поддерживает с ней отношения, чего она раньше совершенно не замечала. И теперь седовласая, похожая на ее мать начальница все знает. В течение дня поведение и высказывания начальницы лишь подтвердили это ее подозрение. При первой же возможности она потребовала объяснений от возлюбленного по поводу его измены. Тот, разумеется, энергично протестовал против того, что он назвал бессмысленным обвинением, и на этот раз ему действительно удалось заставить ее отказаться от своего заблуждения, так что через какое-то время — я думаю, через несколько недель — она снова стала испытывать к нему достаточное доверие, чтобы повторить свой визит к нему домой. Дальнейшее нам известно из первого рассказа пациентки.

То, что теперь мы узначи, прежде всего кладет конец всяким сомнениям относительно болезненного характера ее подозрений. Нетрудно заметить, что седовласая начальница является заменой матери, что, несмотря на свою молодость, возлюбленный мужчина становится на место отца и что именно сила материнского комплекса заставляет больную заподозрить — вопреки всей неправдоподобности—любовные отношения между двумя неравными партнерами. Тем самым, однако, рассеивается и кажущееся противоречие с нашим подпитываемым психоанатитической теорией ожиданием того, что чрезмерная гомосексуачьной привязанность выступает условием развития мании преследования. Первоначальным преследователем, инстанцией, влияния которой хочется избежать, также и в этом случае является не мужчина, а женщина. Начачьница знает о любовных отношениях девушки, не одобряет их и таинственными намеками дает ей понять, что ее осуждает. Привязанность к человеку того же пола препятствует стараниям сделать объектом любви члена противоположного пола. Любовь к матери становится

выразителем всех тех стремлений, которые в роли «совести» хотят удержать девушку при первом шаге на новом, во многих отношениях опасном пути к нормачьному сексуальному удовлетворению, и ей удается нарушить связь с мужчиной.

Когда мать тормозит или сдерживает сексуальное поведение дочери, она выполняет нормачьную функцию, которая, будучи обусловленной отношениями в детском возрасте, обладает сильной бессознательной мотивацией и получила санкцию общества. И уже дело дочери избавиться от такого влияния и на основе широкого, рационального обоснования решить для себя вопрос о степени, в какой она позволит себе получать сексуатьное удовольствие или от него откажется. Если при попытке такого освобождения у нее возникает невротическое заболевание, то, как правило, имеет место слишком сильный и, несомненно, неподвластный материнский комплекс, конфликт которого с новым либидинозным течением в зависимости от имеющегося предрасположения разрешается в форме того или иного невроза. Во всех случаях проявления невротической реакции будут определяться не нынешним отношением креачьной матери, а инфантильным отношением к давнему материнскому образу.

О нашей пациентке мы знаем, что многие годы она росла без отца; мы вправе также предположить, что она не оставшшсь бы свободной от мужчин до тридцатилетнего возраста, если бы ей не оказывала поддержку сильная эмоциональная привязанность к матери. Эта поддержка становится для нее тяжелым ярмом, когда ее либидо начинает стремиться к мужчине в ответ на настойчивое ухаживание. Она пытается сбросить его, избавиться от своей гомосексуальной привязанности. Ее предрасположение — о котором здесь нет надобности говорить — позволяет ей это осуществить в форме образования паранойяльного бреда. Таким образом, мать становится враждебным, недоброжелательным наблюдателем и преследователем. Она могла бы с этим справиться, если бы комплекс матери не сохранил силу для осуществления своей цели —держать ее на дистанции от мужчины. Таким образом, в конце первой фазы конфликта она отдалилась от матери и не присоединилась к мужчине. Потому-то оба они и устраивают заговор против нее. Тут благодаря энергичным усилиям мужчине удается решающим образом привлечь ее к себе. Она преодолевает возражение матери и готова предоставить возлюбленному новую встречу. В дальнейших событиях мать уже не участвует, но мы вправе придерживаться того, что в этой [первой] фазе возлюбленный мужчина стал преследователем не напрямую, а через мать и в силу его отношений с матерью, которой выпала главная роль в образовании первого бреда.

Можно было подумать, что сопротивление окончательно преодолено и что девушке, ранее привязанной к матери, удалось полюбить мужчину. Но после второго свидания происходит образование нового бреда, который, умело пользуясь некоторыми случайными обстоятельствами, губит эту любовь и тем самым успешно осуществляет замысел материнского комплекса. Нам по-прежнему кажется странным, что женщина должна была защищаться от любви к мужчине с помощью паранойяльного бреда. Но прежде чем подробнее рассмотреть это обстоятельство, мы хотели бы бегло ознакомиться со случайностями, на которые опирается образование второго бреда, направленного исключительно против мужчины.

Лежа полураздетая на диване рядом с возлюбленным, она слышит шум, похожий на щелчок, тиканье или стук, причины которого она не знает, но который затем истолковывает, повстречав на лестнице дома двух мужчин, один из которых держал в руках нечто похожее на прикрытую коробку. Она приходит к убеждению, что по поручению возлюбленного во время свидания за ней тайно следили и ее сфотографировали. Разумеется, мы далеки от мысли, что если бы не раздался этот злосчастный шум, то не было бы и никакого бредообразования. Напротив, за этой случайностью мы видим нечто неизбежное, то, что должно было навязчивым образом

утвердиться, подобно предположению о любовной связи между возлюбленным мужчиной и пожилой начальницей, избранной для замены матери. Наблюдение за половым актом родителей — это редко отсутствующая часть из богатства бессознательных фантазий, которые посредством анализа можно выявитьу всех невротиков, вероятно, также у всех детей. Эти образования фантазии — фантазии о наблюдении за половым актом родителей, о соблазнении, о кастрации и др. — я называю *первичными* фантазиями и собираюсь в другом месте детально исследовать их происхождение, атакже их отношение к индивидуальному переживанию'. Стало быть, случайный шум играет лишь роль провокации, которая активирует типичную фантазию о подслушивании, содержащуюся в родительском комплексе. Более того, еще вопрос, должны ли мы его охарактеризовать как «случайный». Как мне сказал Отто Ранк, такой шум, скорее, является необходимым реквизитом фантазии о подслушивании и он повторяет либо шум, которым выдает себя половой акт родителей, либо то, чем подслушивающий ребенок боится выдать себя. Но тут нам сразу становится ясно, на какой почве мы находимся. Возлюбленный — это по-прежнему отец, а место матери она заняла сама. В таком случае подслушивание должно быть поручено постороннему человеку. Нам становится ясно, каким образом она освободилась от гомосексуальной зависимости от матери. Посредством частичной регрессии; вместо того чтобы сделать мать объектом любви, она с нею идентифицировалась, она сама стала матерью. Возможность этой регрессии указывает на нарциссическое происхождение ее гомосексуального выбора объекта и вместе с тем на имеющееся у нее предрасположение к паранойяльному заболеванию. Можно было бы в общих чертах обозначить ход ее мыслей, который ведет к тому же самому результату, что и эта идентификация: «Если мать это делает, то и мне это позволено; я имею такое же право, как и мать».

В упразднении случайностей можно сделать еще один шаг, не требуя, чтобы его совершил и читатель, ибо отсутствие более глубокого аншштического исследования в нашем случае не позволяет нам здесь выходить за пределы известной вероятности. Во время нашей первой беседы больная сказала, что она сразу же справилась о причине этого шума и получила ответ, что это, наверное, тикали часы, стоявшие на письменном столе. Я позволю себе трактовать это сообщение как обман памяти. Мне кажется гораздо более правдоподобным, что вначале она вообще не среагировала на шум и что он показался ей полным значения только после встречи на лестнице с двумя мужчинами. Молодой человек, который, наверное, вообше не слышал шума, мог попытаться объяснить его тиканьем часов позднее, когда девушка стала досаждать ему своими подозрениями. «Не знаю, какой шум ты могла слышать; быть может, это громко тикали настольные часы, как это иногда с ними бывает». Такая отсрочка в использовании впечатлений и такое смещение воспоминаний часто встречаются именно при паранойе и для нее характерны. Но поскольку я никогда не разговаривал с молодым мужчиной и не имел возможности продолжить анализ девушки, мое предположение остается недоказуемым.

Я мог бы отважиться пойти еще дальше в разложении якобы реальной «случайности». Я вообше не думаю, что часы тикшш или что можно было услышать шум. Ситуация, в которой она находилась, оправдывала ощущение биения или стука в клиторе. Именно это она задним числом спроецировшт вовне как восприятие внешнего объекта. Совершенно аналогичное может произойти в сновидении. Одна из моих истерических пациенток однажды рассказала мне короткий сон, приведший к пробуждению, по поводу которого не желал появляться никакой мыслительный материал. Ей снилось, что раздался стук, и она проснулась. В дверь никто не стучал, но перед этим несколько ночей она просыпалась от неприятных ощущений поллюций, и теперь у нее возник мотив просыпаться, как только появлялись первые признаки генитального возбуждения. Это был стук в клиторе[1]. Такой же процесс проекции я поставил бы на место

случайного шума у нашей паранойяльной больной. Разумеется, я не могу ручаться, что за время нашего беглого знакомства при всех признаках неприятного для нее принуждения больная откровенно поведала мне о том, что происходило во время двух нежных свиданий, но изолированное сжатие клитора вполне согласуется с ее утверждением, что соединения гениталий при этом не происходило. В последующем отвержении молодого человека, несомненно, наряду с «совестью» свою роль сыграла также и неудовлетворенность.

Вернемся теперь к необычному факту, что больная защищается от любви к мужчине с помощью образования паранойяльного бреда. Ключ к пониманию дает история развития этого бреда. Первоначально он был направлен, как мы и могли ожидать, против жен-шины, но теперь *на почве паранойи произошел переход от женщины к мужчине как объекту.* Такое поступательное движение необычно при паранойе; как правило, мы обнаруживаем, что преследуемый человек остается фиксированным на тех же самых людях, то есть на том же поле, к которому относился его выбор объекта любви до паранойяльного преобразования. Но оно не исключается невротическим нарушением; пожалуй, наше наблюдение может служить прототипом для многих других случаев. Помимо паранойи имеется множество аналогичных процессов, а среди них и общеизвестные, которые с этой точки зрения до сих пор не рассматривались. Например, так называемый неврастеник из-за своей бессознательной привязанности к инцестуозному объекту любви удерживается от того, чтобы выбрать объектом незнакомую женщину и в своем сексуальном поведении ограничивается фантазией. Но на почве фантазии он совершает невозможный для него шаг и может заменить мать или сестру чужими объектами. Поскольку с ними протеста цензуры не возникает, в своих фантазиях он осознает выбор этих замещающих лиц.

Феномены подобного продвижения, совершаемого на новой основе, обретенной, как правило, регрессивным путем, присоединяются к усилиям, прилагаемым при некоторых неврозах с целью вновь обрести некогда занимаемую, но ныне утраченную позицию либидо. Оба ряда явлений едва ли можно понятийно отделить друг от друга. Мы слишком склоняемся к точке зрения, что конфликт, который лежит в основе невроза, завершается вместе с симптомообразованием. В действительности борьба часто продолжается и после симптомообразования. С обеих сторон появляются новые компоненты влечения, которые ее продлевают. Объектом этой борьбы становится сам симптом; стремления, которые хотят его отстоять, сталкиваются с другими стремлениями, которые пытаются его устранить и восстановить прежнее состояние. Нередко изыскиваются пути, чтобы обесценить симптом, когда другими средствами пытаются обрести утраченное и то, от чего пришлось отказаться по причине симптома. Эти обстоятельства проливают свет на утверждение К. Г. Юнга, согласно которому своеобразная психическая инертность, противодействующая изменениям и прогрессу, является основной предпосылкой невроза. Эта инертностьдействительно весьма своеобразна; она является не обшей, а в высшей степени специализированной, в своей области она не является неограниченной властительницей, а борется с тенденциями к прогрессу и выздоровлению, которые не успокаиваются даже после образования невротических симптомов. Если проследить исходный пункт этой особой инертности, то она раскрывается как выражение очень рано произошедших, с большим трудом устранимых соединений влечений с впечатлениями и связанными с ними объектами, из-за чего дальнейшее развитие этих компонентов влечения было приостановлено. Или, выражаясь иначе,

эта специализированная «психическая инертность» — всего лишь другое, едва ли лучшее, обозначение того, что мы привыкли называть в психоанализе *фиксацией*[1].

[1] *На эту способность к фиксации или, как говорит Фрейд в другом месте, на «клейкость либидо», уже указывалось в первом издании «Трех очерков по теории сексуальности» (\905d, Studienausgabe, т. 5, с. 144). Далее она обсуждается в конце истории болезни «Волкова» (1918*, там же, т. 8, с. 226) и в 22-й лекции по введению в психоанализ (1916—1917, там же, т. 1, с. 341). которые появились примерно в одно время с данной работой.]*